

Изъ лекцій по Догматическому богословію.

Таинство покаяння.

Въ трехъ, разсмотрѣнныхъ нами таинствахъ сообщаются благодатные дары, необходимые для того, чтобы человѣкъ могъ стать истиннымъ христіаниномъ и преуспѣвать въ христіанской жизни. Такъ, въ крещеніи онъ вводится, какъ бы рождается въ благодатное царство Христово, совлекаясь и очищаясь отъ своихъ грѣховъ—отъ первороднаго, если крестится въ младенческомъ возрастѣ,—отъ первороднаго и личныхъ, если крестится взрослымъ. Въ миропомазаніи подаются ему дары, укрѣпляющіе и утверждающіе его въ новой благодатной жизни. Наконецъ, въ евхаристіи онъ вступаетъ въ таинственное единеніе со Христомъ, питаясь отъ тѣла и крови Его.

Но, очищаясь въ крещеніи отъ первороднаго грѣха, онъ не дѣлается существомъ духовнымъ: въ чувственной сторонѣ его природы остается удобопреклонность, расположеннность къ грѣху и злу, реализующаяся въ личныхъ грѣхахъ. Для врачеванія его отъ этихъ недуговъ въ церкви существуетъ таинство *покаянія*.

Надобно знать, что терминъ „покаяніе“ часто понимается въ обширномъ значеніи—въ смыслѣ добротѣли. Понимаемое въ такомъ смыслѣ, покаяніе есть не что иное, какъ чувство искренняго отвращенія и ненависти къ совершеннымъ грѣхамъ, соединенное съ рѣшимостію не грѣшить на будущее время. Такое покаяніе мы видимъ у Давида и др.

всех завѣтныхъ праведниковъ; такое покаяніе проповѣдывалъ Іона ниневитянамъ, Іоаннъ предтеча и самъ Іисусъ Христосъ, напр., въ словахъ: *аще не покаетесь, вси такожде погибнете.*

Но покаяніе имѣть и специальное значеніе,—значеніе *священнодѣйствія*, въ которомъ церковь невидимою силой Духа Святаго и видимо чрезъ священника разрѣшаеть вѣрующаго отъ грѣховъ, совершенныхъ послѣ крещенія. Въ этомъ смыслѣ оно есть *тайнство*, установленное самимъ Іисусомъ Христомъ.

Въ евангеліи отъ Матея мы читаемъ, что Іисусъ Христосъ обратился однажды къ ап. Петру съ словами: *и дамъ ти ключи царства небеснаго, и еже аще свяжеш на земли, будетъ связано на небеси, и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣщено на небеси.* Съ такимъ же словами, чрезъ малое послѣ того времена, Онъ обратился и ко всемъ апостоламъ: *еглика аще связжете на земли будутъ связана на небеси, и елика аще разрѣшиши на земли, будутъ разрѣщена на небесъхъ.* Власть вязать и разрѣшать на небѣ и на землѣ заключаетъ въ себѣ, очевидно, власть прощать и удерживать грѣхи. А власть этого Спасителя не только лишь обѣщалъ, но потомъ и даровалъ апостоламъ фактически. По евангелію отъ Іоанна, Онъ, по воскресеніи явившись апостоламъ, сказалъ имъ: *миръ вамъ Яко же послалъ мя Отецъ, и Азъ посылаю вы. И сіе рече дуну и глагола: приими Духъ Святъ, и иже отпуститъ грѣхи, отпустился имъ, и иже держите, держатся*

Эта власть не была *личною и исключительною* власти апостоловъ. Она получена была ими какъ посланниками Іисуса Христа, т. е. сообщена была именно *этому ихъ посольству*, самому апостольскому ихъ званію, для врученія церкви. И церковь всегда и постоянно вѣровала, что получила эту власть отъ апостоловъ. На возраженіе, что такъ какъ слова Іисуса Христа о власти вязать и разрѣшат-

грѣхи обращены были къ апостоламъ, то одни лишь они и получили эту власть, отцы церкви отвѣчали всегда, что если-бъ подобный силлогизъмъ быть основателенъ, то и власть крестить принадлежала бы однимъ лишь апостоламъ.

Какъ таинство, врачующее грѣшника, покаяніе сообщаетъ ему *благодатные дары*, специально направленные къ этой цѣли. Всякій грѣхъ вноситъ во внутреннюю жизнь грѣшника отпаденіе отъ Бога и разладъ съ собственою совѣстью: отсюда таинство покаянія а) примиряетъ грѣшника съ Богомъ и съ собственою совѣстью и б) возвращаетъ чистоту и невинность, которыя были пріобрѣтены въ крещеніи и утрачены чрезъ грѣховную жизнь. Съ этой стороны отцы и писатели церкви сравнивали покаяніе съ доской, на которой мореплаватель спасается при кораблекрушеніи¹⁾.

1) У нѣкоторыхъ нашихъ догматистовъ, вслѣдъ за преосвященнымъ Макаріемъ, встрѣчаются ошибочное названіе таинства покаянія по благодатной его сторонѣ „вторымъ крещеніемъ“. Въ свою очередь, самъ преосвященный Макарій введеніе въ заблужденіе Клеемъ, который въ своей догматикѣ и исторіи догматовъ ссылается на II капитуль б кароагенскаго собора, гдѣ будто бы покаяніе называется „вторымъ крещеніемъ“. Этотъ капитуль гласитъ: „если когда-либо пресвитеры и діаконы будутъ изобличены въ какомъ-нибудь тяжкомъ проступкѣ, за который необходимо нужно будетъ отрѣшить ихъ отъ должности, то пусть не возлагаютъ руку на нихъ, какъ на *кающихся* или простыхъ вѣрующихъ; тѣмъ менѣе дозволительно, чтобы восходили на степени клира *вторично крещенные* (rebaptisati)⁴. При бѣгломъ чтеніи этого капитула Клею могло показаться, что подъ *кающимися* и *вторично крещенными* разумѣются одни и тѣ же лица, вслѣдствіе чего могло образоваться у него ошибочное заключеніе, что б кароагенский соборъ называетъ *кающихихся вторично крещенными* и, значитъ, покаяніе—вторымъ крещеніемъ. Но Вальсамонъ въ толкованіи этого капитула говоритъ: „Нѣкоторые изъ лицъ, которыя занимали должность чтеца, будучи за какіе-нибудь проступки низложены, желали, по всей вѣроятности, быть поставленными въ чтецы или въ другіе степени клира выше чтеца, и говорили:

 Но невидимое дѣйствіе покаянія, состоящее въ отшути-
ніи грѣховъ, подается чрезъ видимое разрѣшеніе священ-
ника. А чтобы дать разрѣшеніе, священникъ долженъ знать
напередъ грѣхи кающагося. Отсюда къ видимой сторонѣ
покаянія принадлежитъ еще устная исповѣдь.

Говорить ли свящ. писаніе объ исповѣди? — Говорить и довольно ясно. Въ евангеліи мы имѣемъ примѣръ Иоанна Крестителя, который приходившему къ нему народу, мыта-
рямъ и воинамъ, на ихъ открытый вопросъ, что имъ дѣлать, давалъ назиданія и нравственные со занятіи примиѳително къ ихъ моральному состоянію. — Затѣмъ, въ книгѣ Дѣяній чита-
емъ, что *мнози отъ вѣровавшихъ приходѧху къ ап. Павлу въ бытность его въ Ефесѣ, исповѣдующе и сказующе дѣла своя:* слово *исповѣдующе, ἐφοροῦσθε* означаетъ — *открытио* говорили, какое значеніе этого слова усиливается еще выражениемъ „*сказующе, ἀναγγέλλοντες*; подъ дѣлами нельзя разумѣть здѣсь грѣховъ общихъ каждому человѣку, а разумѣются грѣхи частные, какіе дѣлать каждый изъ исповѣдующихъ. — А апостолъ Иоаннъ прямо говорить: *аще исповѣдаємъ (ἐφοροῦμεν) грѣхи наша, вѣренъ есть и праведенъ, да оставимъ грѣхи наши* (1 посл. 1, 9).

„такъ какъ мы находимся въ состояніи кающихся и низведенны въ положеніе мірянъ, то должны быть возведены въ тѣ, по крайней мѣрѣ, степени, изъ которыхъ возводятся міряне“. Не допуская этого, отцы собора постановили, чтобы на низложенныхъ не возлагались руки для принятія въ какую бы то ни было степень клира, хотя они находятся въ состояніи покаянія и принимаются за простыхъ вѣрюющихъ. А такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ говорили, что крещеніе омываѣтъ всѣ скверны, и желали креститься во второй разъ (*petebant secundo baptizari*), чтобы быть омытыми отъ того проступка, за который они низложены, и такимъ образомъ быть снова принятыми въ клиръ, то отцы опредѣлили, чтобы и этого не дѣлалось, потому что намъ предано совершать одно только крещеніе“. Ясно, что бѣ карааген-
скій соборъ не даетъ никакого основанія на странное название покаянія вторымъ крещеніемъ.

Съ полной ясностию объ устной исповѣди говорить отеческая письменность и церковная практика. Такъ, самый древній изъ церковныхъ писателей, Климентъ Римскій увѣщаваєтъ вѣрующіхъ притекать къ Богу, пока мы находимся въ сей плоти, потому что, говоритъ, когда уйдемъ изъ настоящаго міра, ни исповѣдь, ни покаяніе не будуть уже возможны.— Ириней Ліонскій разсказываетъ, какъ много женщинъ, которыхъ гностики увлекли въ свою ересь и въ нечистоту, исповѣдались, по возвращеніи въ церковь, и въ своихъ заблужденіяхъ, и въ своихъ грѣхахъ; тогда какъ многія другія изъ-за того, что не захотѣли рѣшиться на такое испытаніе, впали въ отчаяніе.— Тертулліанъ показываетъ, какъ велика глупость тѣхъ, которые, по ложному стыду, не хотятъ исповѣдывать своихъ грѣховъ: неужели, спрашиваетъ онъ, ты, скрываючи свои грѣхи въ глазахъ людей, надѣешься утаить ихъ и въ очахъ Божіихъ, и не гораздо ли лучше быть открыто разрѣшеннымъ, чѣмъ въ тайнѣ осужденымъ?— Кипріанъ Карѳагенскій, предупреждая вѣрующіхъ отъ недостойнаго принятия евхаристіи вслѣдствіе нечистоты совѣсти, разсказываетъ, какъ одна молодая девушка была наказана Богомъ за то, что осмѣлилась принять евхаристію, предварительно не очистивъ своей совѣсти, прибавляя, что и многіе другіе были наказаны Богомъ строго за то, что не исповѣдавали своихъ грѣховъ.— „Грѣшникъ, говоритъ весьма япергично Оригенъ, какъ бы выблевываясь свои грѣхи, когда раскаивается въ нихъ и исповѣдуется“.

Въ виду этихъ ясныхъ свидѣтельствъ изъ древнійшихъ церковныхъ писателей, нѣть нужды приводить свидѣтельства позднѣйшихъ. Достаточно замѣтить, что на соборахъ, напр., Лаодикійскомъ и Ангрскомъ опредѣлены были обстоятельства, способъ, время и мѣсто исповѣди.

Наконецъ къ видимой сторонѣ покаянія принадлежатъ еще *эпитимії*, въ учрежденіи которыхъ выражается власть церкви — вязать грѣшника.

По учению православной церкви, эпитимії представляютъ собою *наказанія*, *шанды* или *гумшишигуми* на попона

гося за какіе-нибудь особено тяжкіе грѣхи, но наказанія исправительныя, врачебныя, педагогическая. На такое значеніе эпитимій указываетъ примѣръ ап. Павла, наложившаго тяжкое наказаніе на коринѣскаго кровосмѣсника и потомъ снявшаго это наказаніе, когда оно пробудило въ наказанномъ скорбь и раскаяніе. Наказаніе это у ап. Павла называется *епитиміа* (2 Кор. II, 6).—Въ этомъ пунктѣ отъ православной церкви разнится католическая, по учению которой эпитиміи представляютъ собою наказанія въ *собственномъ смыслѣ*, такія наказанія, которыя должны понести безъ исключения *каждый кающійся*, чтобы тѣмъ удовлетворить правдѣ Божіей,—отъ чего эпитиміи у католиковъ называются удовлетвореніями, *satisfactiones*. Такое значеніе эпитиміи у католиковъ имѣютъ потому, что посредствомъ ихъ церковь, такъ сказать, иститъ человѣку, караетъ его за оскорблѣніе божественного правосудія, наказываетъ *pro qualitatibus criminum*, *pro mensura delicti*, т. е. *пропорциально степени и мѣрѣ* виновности грѣшника предъ Богомъ. Пастырямъ церкви, поэтому, вмѣняется въ обязанность, чтобы они, подвергая кающихся эпитиміямъ, не упускали изъ виду, что эти духовные средства предназначены служить не только къ нравственному исправленію грѣшниковъ, но и къ *наказанію* ихъ, къ отпущенію грѣховъ. Къ такимъ наказаніямъ ультрамонтанская литература причисляетъ денежные штрафы, тюремныя заключенія, бичеваніе, изгнаніе и т. под.

Ни Свящ. Писаніе, ни творенія церковныхъ писателей не оправдываютъ такого пониманія эпитимій.

Въ Свящ. Писаніи католическіе богословы обыкновенно указываютъ на Адама, Моисея, Аарона и Давида, которыхъ Богъ подвергъ наказаніямъ послѣ того, какъ уже простилъ имъ грѣхи, и—затѣмъ тѣ мѣста новозавѣтныхъ книгъ, въ которыхъ говорится о судѣ Божиемъ на вѣрюющихъ; а въ преданіи останавливаются на Тертулліанѣ, Кириллѣ, Амвросіи Медіоланскомъ и бл. Августинѣ, въ сочиненіяхъ которыхъ эпитиміи называются *дѣйствительными satisfactiones*.

Но мѣста Свяш. Писанія, на которыя католические богословы ссылаются, отнюдь не говорять въ ихъ пользу. Писание строго различаетъ между наказаніями, которыми Богъ поражаетъ *нечестивыхъ*, и наказаніями, какія Онъ налагаетъ на *вѣрныхъ* и обращающихъ къ нему всѣмъ сердцемъ: первая представляетъ оно дѣйствіемъ *гнѣва Божія и правды*, требующей удовлетворенія, а постѣдня—наказаніями *отеческими*, врачебными, посланными только для *исправленія* людей. Помилованные Богомъ Адамъ, Моисей, Ааронъ и Давидъ, согрѣшивъ, не остались, какъ известно, *нераскаянными* грѣшниками. Поэтому и наказанія, которымъ Богъ подвергъ ихъ послѣ того, какъ уже простилъ ихъ, были наказаніями *не въ собственномъ смыслѣ*: Онъ наказалъ ихъ не потому, будто бы правда Его, удовлетворенная ихъ раскаяніемъ, требовала отъ нихъ другихъ еще удовлетвореній, а потому что любовь Его требовала вразумить ихъ и предостеречь отъ грѣха *на будущее время*.

Тѣмъ менѣе говорятъ въ пользу католиковъ указываемая ими мѣста изъ *Нового Завѣта*. Новозавѣтное писание открываетъ намъ, что Иисусъ Христосъ *однажды и навсегда* удовлетворилъ правду Божіей за грѣхи людей. Поэтому людямъ-грѣшникамъ, за которыхъ уже удовлетворено правду Божіей, осталось не удовлетворять ей за грѣхи понесеніемъ какихъ-нибудь наказаній на земль, а усвоить только искушительныя заслуги Спасителя покаяніемъ, вѣрою и доброю жизнью. Отсюда, и наказанія, какимъ только Богъ — Самъ-ли непосредственно, или же чрезъ церковь—подвергаетъ кающагося грѣшника, не суть наказанія въ собственномъ смыслѣ, которыя онъ долженъ понести для удовлетворенія правду Божіей, вполнѣ уже удовлетворенной за грѣхи людей, а наказанія въ смыслѣ вразумленій, въ цѣляхъ ихъ же собственной нравственной пользы.

Такъ же мало говорятъ въ пользу католиковъ и сочиненія церковныхъ писателей, на которыхъ они ссылаются. Тертуліанъ, Кипріанъ, Амвросій и Августинъ дѣйствительно называются *аппізациіи satisfactiones*, то разумѣются подъ ни-

ми такія наказанія, которыми возбуждается въ кающихся раскаяніе во грѣхахъ, т. е. *наказаніями педагогическими*, или исправительными. Такъ, Тертуліанъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій говоритъ: „Огъ чего бы ни происходилъ грѣхъ—отъ плоти-ли, отъ духа, отъ воли, или отъ самаго дѣла, — Богъ, изрекающій каинъ за грѣхъ, обѣщаєтъ и прощеніе за раскаяніе. Обратимися ко Мнѣ, говоритъ Онъ, и избавлю тя. Раскаяніе есть жизнь, потому что Богъ предпочитаетъ его смерти“. Подобнымъ же образомъ мыслили и Кипріанъ, Амвросій и Августинъ. „Самая хула на Духа Святаго, говоритъ послѣдній, не отпускаемая виловному въ ней ни въ сей, ни въ будущей жизни, если только такой умретъ виновнымъ въ ней, отпустится ему въ настоящей жизни, если онъ раскается въ ней“.

Таинство елеосвященія.

Съ грѣхами, врачуемыми въ таинствѣ покаянія, стоять въ причинной связи, по учению откровенія, болѣзни тѣлесныя. Для «врачеванія этихъ послѣднихъ въ церкви существуетъ таинство елеосвященія или *елеопомазанія*.

На елеопомазаніе мы находимъ указаніе въ евангеліи Марка, въ 6 главѣ (ст. 13). Упомянувши, что Иисусъ Христосъ, привзвавъ двѣнадцать учениковъ, началъ посыпать ихъ по два и далъ имъ власть надъ нечистыми духами, евангелистъ говоритъ дальше, что ученики пошли и проповѣдовывали покаяніе, и непосредственно затѣмъ прибавляетъ: *и мазаху масломъ многи недужныя, и исцѣльваху.*

Обычай мазать больныхъ и раненыхъ масломъ практиковался у евреевъ, какъ это видно изъ притчи о милосердомъ самарянинѣ. Но нельзя съ этимъ употреблениемъ масла отождествлять помазанія масломъ, упоминаемаго у евангелиста Марка. По словамъ евангелиста, апостолы совершали елеопомазаніе по власти, *полученной ими отъ Иисуса Христа*, согласно съ Его волею, подобно тому, какъ и покаяніе (о чёмъ евангелистъ говоритъ строкою выше) они проповѣдовывали по силѣ полномочія и посольства, полученныхъ

также отъ Иисуса Христа. Отсюда, какъ чудодѣйственная сила, открывавшаяся въ этомъ апостольскомъ елеопомазаніи, такъ и то, что оно совершалось апостолами *по полномочію отъ самого Иисуса Христа*, показываютъ, что елеопомазаніе, о которомъ говорится у евангелиста Марка, представляется учрежденiemъ, на которое была *положительная воля Иисуса Христа*. Въ словахъ евангелиста Марка о елеопомазаніи достойны замѣчанія какъ упоминаніе о веществѣ этого дѣйствія, такъ и самыи образъ или способъ его совершеннія: *мазаху масломъ*—*ῆλειφον ἑλέφ*, говоритъ евангелистъ,— выраженія, которыя буквально потомъ повторяются у апостола Іакова. Но—справедливо замѣчаетъ въ своей докторатѣ преосвящ. Филаретъ—„какъ воля Господа объ учрежденіи крещенія (Іоан. III, 3) и евхаристіи (Іоан. VI, 48) первоначально не совсѣмъ ясно и полно была выражена, такъ и воля Его касательно елеопомазанія должна была сдѣлаться вполнѣ ясною для апостоловъ тогда, когда ихъ зрѣніе было открыто Господомъ и Духомъ, и они научены были тайнамъ, относящимся до устроенія церкви“.

Болѣе ясное свидѣтельство о елеопомазаніи мы находимъ у ап. Іакова. Въ своемъ посланіи, въ послѣдней главѣ, ап. Іаковъ пишетъ: *болитъ ли кто въ васъ, да призовешь пресвитеры церковные и да молитву сотворятъ надъ нимъ, помазавши его елеемъ* (*ἀλείφαντες ἑλέφ*) *во имя Господне: и молитва вѣры спасеть болѣющаго, и воздвигнетъ его Господь, и аще грѣхи сотворилъ есть, отпустятся ему* (V, 14. 15).—Сопоставляя эти слова ап. Іакова съ вышеуказанными словами евангелиста Марка, мы видимъ, что оба они говорятъ объ одномъ и томъ же дѣйствіи: евангелистъ Маркъ пишетъ, что апостолы *мазаху масломъ*—*ῆλειφον ἑλέφ*—*недужныя и исцѣльваху*,—ап. Іаковъ говоритъ: пусть пресвитеры церковные сотворятъ надъ больнымъ молитву, *помазавши его елеемъ*—*ἀλείφαντες ἑλέφ*—*и молитва вѣры спасеть болѣющаго...* Но у ап. Іакова это дѣйствіе обставляется такими подробностями, какихъ мы не на-

ходимъ у евангелиста Марка; такъ что самое дѣйствіе, которое у евангелиста Марка является, повидамому, внѣшнимъ, цѣлебнымъ, хотя и по полномочію самого Іисуса Христа совершившимся, актомъ, у ап. Іакова возводится на степень таинственнаго церковнаго дѣйствія, съ особыми совершившими и съ особыми обѣтованіями благодати, имѣющими отношеніе къ душѣ и тѣлу больного.

Такимъ образомъ, елеопомазаніе есть дѣйствіе несомнѣнно богоустановленное для церкви,—такое дѣйствіе, которое совершили апостолы по ясному полномочію отъ самого Іисуса Христа и которое хорошо известно было въ церкви, во время апостоловъ. Потому что ап. Іаковъ, у которого мы встрѣчаемъ вполнѣ достаточно ясное свидѣтельство о елеопомазаніи, говорить о немъ, не какъ о чёмъ-то имъ самимъ выдуманнымъ, а какъ дѣйствіи, которое каждому вѣрующему настолько же известно, насколько известны ему молитва и пѣніе, такъ какъ непосредственно предъ словами о елеопомазаніи апостолъ говоритъ: *злосстрашаетъ ли кто въ васъ, да молитву днесъ, благодушествуешь ли кто, да поетъ.*

И послѣ апостоловъ, елеопомазаніе считалось въ церкви съ глубочайшей древности таинствомъ. Древнѣйшее указаніе на него въ отеческой письменности мы встрѣчаемъ у Иринея Ліонскаго. Замѣтивъ, что еретики извральаютъ таинство крещенія какъ въ самомъ значеніи его, такъ и въ обрядовой сторонѣ, ставя на его мѣсто такъ называемое у нихъ „искупленіе“, Ириней вслѣдъ за симъ говорить о другомъ ихъ искупленіи: „иные, пишетъ онъ, искупаютъ умирающихъ и близящихся къ самой кончинѣ; смѣшивая елей съ водою, они возливаютъ на главу умирающаго, и къ этому смѣшенному съ водою бальзаму присоединяютъ ваклинанія, чтобы внутренній ихъ чедовѣкъ выходилъ невидимо для невидимыхъ, оставляя *тѣло въ сотворенномъ мірѣ, а душу представляя Диміургу*“. Въ этихъ словахъ Ириней пори-

цаеть еретиковъ, очевидно, за ихъ искаженіе елеопомазанія, за тѣ неправильныя мысли, которыя они имѣли объ этомъ священнодѣйствіи; но если существовало искаженіе, существовало и то, что искажалось.

Яснѣе говорится о елеопомазаніи у Оригена. Перечисливъ разныя средства къ отпущенію грѣховъ, именно: крещеніе, иученичество, пламенную любовь къ Богу и проч., Оригенъ говоритъ дальше: „есть еще седьмое, вирочемъ, тяжкое и трудное, отпущеніе грѣховъ чрезъ покаяніе..., когда грѣшникъ не стыдится исповѣдать грѣхъ свой предъ священникомъ. Господнимъ и просить врачевства, по слову сказавшаго: исповѣть на мя беззаконія мое Господеви, и ты оставишь еси нечестія сердца моего. Тогда исполнится и то, что сказалъ ап. Яковъ: болитъ ли кто вѣвась, да призоветъ пресвитера церковного и да возложатъ на него руки, помазавши елеемъ во имя Господне, и молитва вѣры спасетъ болящаго и воздвигнетъ его Господь, и аще грѣхи сотворилъ есть, отпустятся ему“.—Повидимому, Оригенъ не отညляетъ здѣсь елеопомазанія отъ покаянія. Изъ этого однако не слѣдуетъ заключать, что Оригенъ не считать елеопомазанія *самостоятельнымъ* таинствомъ, а нужно объяснить это слияніе одного таинства съ другимъ и въ древности практиковавшися обычаемъ совершать елеопомазаніе *вслѣдъ за покаяніемъ*.

У позднѣйшихъ церковныхъ писателей мы находимъ еще яснѣйшія свидѣтельства о елеопомазаніи, напр., у Василия великаго, Златоуста, Кирилла Александрійскаго и др. Между прочимъ, отъ Василия великаго осталась молитва на священнодѣйствіе надъ недужнымъ, вошедшая впослѣдствіи въ чинъ послѣдованія таинства елеосвященія. Точно также и отъ Златоуста мы имѣемъ молитву, вошедшую въ чинопослѣдованіе елеосвященія. А это свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о существованіи въ церковной практикѣ

IV в. священнодѣйствія елеопомазанія, а съ другой—объ общеперковной вѣрѣ въ это священнодѣйствіе, какъ таинство, предназначенное для сообщенія больнымъ благодати.— Отъ V-го же вѣка мы имѣемъ уже и *самый чинъ послѣдованія таинства елеосвященія* въ книгѣ папы Геласія о таинствахъ.— Наконецъ, въ древнѣйшихъ жизнеописаніяхъ, начиная съ IV в., встрѣчаются прямые свидѣтельства о *фактахъ совершенія елеосвященія надъ тѣми или другими больными*, какъ, напр., въ жизнеописаніи преподобнаго Ипатія, жившаго въ IV в., св. Евтихія, патріарха цареградскаго (изъ VI в.), Евгенія, епископа альденерскаго и др.

Видимую сторону елеосвященія, по изображенію ап. Іакова, составляютъ:

а) *Елей*, ἔλεον, т. е. деревяное масло, освящаемое обыкновенно предъ самимъ совершеніемъ таинства.

б) *Молитва вѣры*, или слова, произносимыя при елеосвященіи: „Отче святый, врачу душъ и тѣлесъ, посланный единороднаго Сына Твоего, Господа нашего Іисуса Христа, всякий недугъ исцѣляющаго и отъ смерти избавляющаго, исцѣли и раба Твоего отъ обдеркація его тѣлесныя и душевныя немощи и оживотвори его благодатию Христа Твоего“.— По уставу православной церкви елеосвященіе совершается чрезъ семикратное крестообразное помазаніе больного на челѣ, ноздряхъ, щекахъ, устахъ, груди и рукахъ.

Что касается *невидимыхъ*, благодатныхъ дѣйствій таинства елеосвященія, то они, сообразно словамъ ап. Іакова, имѣютъ отношеніе къ *тѣлу* и *души* больного.

а) О дѣйствіи елеосвященія собственно на *тѣло* апостолъ говоритъ въ словахъ: *и молитва вѣры спасетъ болѣющаго, и воздвигнетъ его Господь*. Выраженіе *спасетъ* здесь въ настоящемъ случаѣ имѣть буквальное свое значеніе: дастъ здоровье, сдѣляетъ здоровымъ. То же самое значить и дальнѣйшее выраженіе *и воздвигнетъ* ἐγερει, хотя,

впрочемъ, єщерѣ усиливаетъ значеніе первого выраженія, распространяя дѣйствіе таинства и на духъ больного, волновавшійся раньше страхомъ близкой смерти и страданіями тѣла. Но главнымъ образомъ то и другое выраженіе имѣютъ отношеніе къ тѣлу; такъ что *врачеваніе тѣлесныхъ болѣзней* составляетъ самое первое благодатное дѣйствіе таинства елеосвященія.

И если не всегда бываетъ, что больной послѣ елеосвященія выгдоравливаетъ, то это объясняется тѣмъ, что къ таинству елеосвященія прибѣгаютъ часто въ такихъ случаяхъ, когда больной не имѣеть уже надежды на выздоровленіе. А желать и требовать,—какъ справедливо замѣчаешь въ своей догматикѣ преосвященному Макарію,—чтобы всякий разъ, какъ только человѣкъ приметъ таинство елеосвященія, онъ исцѣлялся отъ болѣзни, значило бы требовать, чтобы онъ вовсе не умиралъ. Когда же каждому изъ настѣ выгдоровѣть отъ болѣзни, или умереть,—это вѣдомо одному только Богу.

б) Дальнѣйшими словами: *и аще грѣхи сотворилъ есть, отпускаются ему* опредѣляется дѣйствіе елеосвященія *на духъ больного*. Таинство елеосвященія обыкновенно совершаются послѣ таинства покаянія: какіе же грѣхи разумѣются тутъ? Не даетъ ли ап. Іаковъ основанія отождествлять таинство елеосвященія съ покаяніемъ?

Ни въ какомъ случаѣ. Отпущеніе грѣховъ чрезъ таинство елеосвященія есть не что иное, какъ *восполненіе отпущенія грѣховъ въ таинствѣ покаянія*—восполненіе *не по недостаточности* самого покаянія для разрѣшенія всѣхъ грѣховъ, а *по немощи больныхъ* воспользоваться ютимъ спасительнымъ врачевствомъ во всей его полнотѣ.

Останавливаясь на словахъ ап. Іакова: *болитъ ли кто въ васъ, да призоветъ пресвитеры церковные и да молитву сотворятъ надъ нимъ, помазавши его елеемъ во имя Господне. И поправа вѣры спасетъ болящаго...*, православная церковь учитъ, что таинство елеосвященія предна-

значено для христіанъ только больныхъ и больныхъ тяжело, страждущихъ, изнемогающихъ, какъ показываютъ употребленныи апостоломъ слова: ἀσθενεῖ, болигъ, жаждоута, болящаго.

Междуд тѣмъ, римская церковь преподаетъ таинство елеосвященія въ видѣ напутствія только такимъ больнымъ, которые находятся уже *при смерти*, почему и называютъ это таинство послѣднимъ помазаніемъ—extrema unctio, таинствомъ отходящихъ или умирающихъ—sacramentum ehecatiūm. Это измѣнение, по свидѣтельству Мабильона, произошло въ римской церкви въ концѣ XII вѣка. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что относительно цѣли и назначенія таинства елеосвященія восточная и западная церкви, до своего раздѣленія, нимало не разнились. Это доказывается 1) тѣмъ, что блаж. Августинъ, упоминая о нѣкоторыхъ такихъ, которые въ его время учили, будто таинство елеосвященія нужно совершать надъ больными предъ смертью ихъ, для напутствованія ихъ въ вѣчную жизнь, называетъ таковыхъ безумными, исказившими ученіе св. Іакова, брата Господня. 2) Чинъ елеосвященія Григорія великаго или Двоеслова (590—604) содержитъ въ себѣ молитвы къ Богу о возстановленіи болящаго съ одра болѣзни и о дарованії ему здравія душевнаго и тѣлеснаго; слѣдовательно, ничѣмъ не разнится отъ того чина, какой соблюдается въ церкви православной.

Такимъ образомъ, ученіе современной римской церкви о таинствѣ елеосвященія, какъ о такомъ таинствѣ, которое надобно совершать только надъ умирающими, представляеть собою нововведеніе. Ни въ заповѣди ап. Іакова обѣ елеосвященіи, ни въ чинѣ елеосвященія, издревности употребляющемся въ православной церкви, ни въ чинѣ древнемъ самой западной церкви, какъ онъ изложенъ у папы Григорія великаго, нѣтъ ни малѣйшаго намека на предсмертное

напутствіе больного, а говорится только объ исцѣленіи его отъ болѣзней, объ отпущеніи ему грѣховъ. Мало того, известно, что древняя церковь считала такимъ напутствіемъ для вѣрующихъ не таинство елеосвященія, а именно таинство евхаристіи съ предшествующимъ ему таинствомъ покаянія. Такъ, въ 13 правилѣ первого вселенского собора говорится: „о находящихся при исходѣ отъ жизни да соблюдается и нынѣ древній законъ и правило, чтобы отходящій не лишаємъ бытъ послѣдняго и нужнѣйшаго напутствія“... и потомъ указывается, въ чёмъ именно состоитъ это напутствіе: „всакому отходящему, кто бы онъ ни бытъ, просящему причаститься евхаристіи, со испытаніемъ епископа, да преподаются св. дары“. „Аще кто, говоритъ Григорій Нисскій, не исполнивъ времена покаянія, опредѣленнаго правилами, отходитъ отъ жизни, то человѣколюбіе отцовъ поучаетъ, да причастится св. таинъ и да не безъ напутствія отпущенъ будетъ въ оное послѣднее и дальнее странствіе“. Если же и таинство елеосвященія иногда можно называть напутствіемъ къ загробной жизни, то въ тѣхъ только случаяхъ, когда Богу не угодно воздвигнуть больного съ огра болѣзни и онъ вскорѣ умираетъ. Но и въ этихъ случаяхъ таинство елеосвященія можетъ быть названо какъ бы предсмертнымъ напутствіемъ не само по себѣ и не по существу своему, а потому, что преподается больному обыкновенно вмѣстѣ съ таинствомъ покаянія и евхаристіи, которыя собственно и составляютъ напутствіе къ загробной жизни.

По чину православной церкви, елей, употребляемый при совершении таинства, освящается священнослужителями предъ самыми совершениемъ таинства. Римская церковь отступаетъ и въ этомъ отношеніи отъ церкви православной, предоставляя право освящать елей однимъ епископамъ. Относительно этой разницы надобно замѣтить, что ап. Іаковъ вообще говоритъ при елеосвященіи *о пресвитерахъ церковныхъ*, совсѣмъ не упоминая объ епископахъ и какомъ бы то ни было участіи ихъ при совершении этого таинства.

Протестанты не признаютъ за елеосвященiemъ титула таинства. Въ своемъ сочинениі „о вавилонскомъ пленении церкви“ Лютеръ не отвергаетъ абсолютно елеосвященія, только не соглашается, чтобы смотрѣли на него какъ на таинство. Но въ другихъ своихъ сочиненіяхъ онъ смеется надъ елеосвященiemъ, называя его иронически „намазыванiemъ“. Кальвинъ, подобно Лютеру, истощаетъ свое остроуміе надъ этимъ таинствомъ.

М. Ястrebовъ.